
УДК 811. 351. 43

ББК 81. 603

Б 24

Барахоева Н.М.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры ингушской филологии Ингушского государственного университета, e-mail: b1arahoi@rumbler.ru

**О грамматических средствах актуализации значений
ирреальной модальности в ингушском языке
(Рецензирована)**

Аннотация:

В статье рассматриваются грамматические средства реализации значений ирреальной модальности в системе ингушского языка. Предлагается новый перечень граммем косвенных наклонений в ингушском языке: юссив, гортатив (инклюзивный, эксклюзивный – оптатив), дезидиратив, конъюнктив и т.д. Также констатируется взаимосвязь ирреальной и эпистемической модальности в ингушском языке.

Ключевые слова:

Ирреальная модальность, наклонение, оптатив, гортатив, юссив, дезидиратив, конъюнктив.

Barakhoeva N.M.

Candidate of Philology, Assistant Professor of Ingush Philology Department of the Ingush State University, e-mail: b1arahoi@rumbler.ru

**On the grammatical means of actualization of values
of irreal modality in the Ingush language**

Abstract:

The paper solves a new problem of types of oblique mood in the Ingush language. A new list of grammemes of oblique moods in Ingush is offered: yussiv, gortativ (inclusive, exclusive – optative), dezidirative, conjunctive etc. The connection of oblique mood and the mood of epistemic modality is shown.

Keywords:

Irreal modality, mood, optative, gortative, yussive, dezidirative, conjunctives.

Содержание ирреальной модальности сводится к выражению ситуаций, которых нет или не может быть в реальной действительности, то есть «модальные показатели этого типа описывают некоторый «альтернативный» мир, существующий в сознании говорящего в момент высказывания» [1: 312]. Семантика ирреальной модальности, в основном, группируется вокруг значений возможности. Зна-

чения необходимости и возможности рассматриваются в качестве основных модальных значений. Семантика возможности отлична от семантики необходимости. Семантике возможности соответствует модус *X может Y*, но, в отличие от значения необходимости, которой соответствует модус *X должен Y*, в семантике возможности вкладывается и дополнительный модус: *если возможно X, то воз-*

можно и не-Х; а в семантику необходимости – модус: *если Х необходимо, то не-Х невозможно*. Значения возможности, необходимости в языкознании представляются двояко: 1) как внутренняя возможность или необходимость и 2) как внешняя возможность и необходимость. Указанные значения в лингвистике рассматриваются в качестве деонтической (возможность и необходимость внешняя по чьему-то позволению или принуждению) и алетической модальности (внутренняя возможность, часто связанная с физическими или другого рода способностями самого субъекта) [2: 106]. В ингушском языке два значения необходимости манифестируются следующей моделью пропозитивного комплекса, в состав которого входит лексема *деза* (*в, й, б*) / *должен* + инфинитив основного глагола: *Ваха вез са* / Идти должен я; *КӀаьнко бе без из болх-м* / Мальчик должен справиться с этой работой. Два значения возможности в ингушском языке передаются двумя моделями пропозитивного комплекса: в состав первой модели входит лексема *мага* / *мочь* + инфинитив – внутренняя (алетическая возможность) *КӀаьнка бе мог из болх* / Мальчик может сделать эту работу; в состав второй модели входит модальная лексема – модальный оператор *мега* / *мочь* (*в значении может быть*) + инфинитив – деонтическая возможность *Хьо ваха мегаргва из волча* / Ты можешь сходить к нему (деонтическая возможность). Интересен тот факт, что в ингушском языке значение деонтической возможности также передается и следующей моделью, в которую в качестве второго компонента может быть включен каузатив основного глагола на *дита* (*в, й, б*) / *оставить*. Чаще всего эта модель выступает в предложении со значением позволить или разрешить, то есть в данном случае мы имеем дело с совмещенной с каузативом деонтической модальностью *КӀаьнк вахийта мег цига* / Мальчика можно отправить туда. Таким обра-

зом, получается, что внутренняя (алетическая) возможность зависит от внутренних свойств субъекта, его способностей; внешняя возможность является следствием внешних обстоятельств: отсутствие внешних препятствий для осуществления ситуации и то, что определенными обстоятельствами диктуется необходимость определенного действия типа: *Халхавала мог сона* - Я умею (могу) танцевать (выражается внутренняя возможность действия - умение танцевать); *Халхавала мег со* / Я могу танцевать (выражается отсутствие внешних препятствий); *Халхавала вез са* / Я должен танцевать (выражается внешнее принуждение, необходимость). [Следует отметить, что модальный оператор *деза* / *долженствовать*, используемый в ингушском языке для передачи значения долженствования, ведет себя по-разному в зависимости от типа необходимости (деонтической или алетической). Интересно наблюдать за тем, что при реализации значения деонтической модальности необходимости, то есть принуждения к действию актанта, означенного одушевленным разумным существом (человеком) данный глагол управляет генетивом: *Балха ваха вез са 7 сахьат даьлча* / На работу должен я (ген) в 7 часов. При передаче же алетической модальности необходимости данный глагол управляет именительным падежом: *Малх 7 сахьат даьлча чубиза без* / Солнце в 7 часов должно садиться (уйти на закат)].

Как следует из примеров, внутренняя и внешняя возможность и необходимость могут быть маркированы в языке модальными глаголами возможности и долженствования. Помимо этих глаголов имеются в языках и специализированные глагольные формы выражения возможности и необходимости действия, события, ситуации.

В качестве особой разновидности ирреальной модальности рассматривается в языкознании имплицативная (обусловленная) модальность. Значение им-

пликативной модальности определяется как связанная с семантикой возможности, актуализация которой зависит от наличия определенных условий. В связи с этим выделяют и типы условных конструкций. В составе условных пропозиций выделяют две части: «посылка, в которой вводится фактор реализации, и импликация, в которой содержится описание возможной ситуации. Для выражения посылки в языках мира могут существовать как лексические (союзы), так и грамматические средства (особое условное наклонение)» [3: 313]. Так, например, ингушский язык располагает граммемой условного наклонения, реализующей обусловленную (импликативную) модальность: *Хьо хъавоагле, дIахоададергда вай из гIулакx* - Если ты придешь, мы решим эту проблему. Условная модальность ингушского языка выражается в условных конструкциях, состоящих из двух частей, одна из которых выражена формой глагола в условном наклонении. Можно выделить в ингушском языке несколько типов условных конструкций: 1) реальные условные конструкции, при которых реализация предполагаемого события высоковероятна: *Хьо хъавоагле, из гIулакx дIахоададергда вай* / Если ты придешь, мы решим эту проблему; 2) нереальные условные конструкции (реализация события маловероятна): *Хьо хъавоагIаре, из гIулакx дIахоададергда вай* / Если бы ты пришел, мы бы решили эту проблему; 3) реализация события невозможна: *Хьо хъавенаваларе (селхан, цу хана, хъалхагIа), вай дIахоададаь хургдар из гIулакx* / Если бы ты пришел (вчера, тогда, еще раньше), мы бы решили эту проблему.

При этом обращает на себя внимание факт согласования глагольных форм наклонений и времени: (1) форма условного наклонения настоящего времени (*хъавоагле* / если придешь) + форма будущего времени изъявительного наклонения (*дIахоададергда* / решим); (2) форма условно-желательного наклонения на-

стоящего времени (*хъавоагIаре* / если бы ты пришел) + форма настоящего времени сослагательного наклонения (*дIахоададергда* / решили бы); (3) форма условно-желательного наклонения прошедшего времени (*хъавенаваларе* / если бы пришел) + аналитическая форма-показатель эпистемического прогнозирования (гипотезы), предположения, ожидания действия, которое, однако, не свершилось в прошедшем времени: *дIахоададаь хургдар* (форма на – *хургдар* (в, й, б)). Данное согласование глагольных форм с учетом их последовательности во временном отношении и с учетом используемых временных граммем свидетельствует, на наш взгляд, о том, что параллельно с модальными значениями в ингушском языке могут реализоваться и значения таксиса (в данном случае – значение предшествования, одновременности). Приведенные выше примеры свидетельствуют об определенной связи между семантикой и формальным выражением ирреальной и субъективной (эпистемической) модальности. Что касается значения сферы желания, то эта сфера рассматривается в лингвистике как сфера модальности, в которой соприкасаются значения оценочной и ирреальной модальности. Данное значение характеризуется как центральное модальное значение, так как содержит в себе основные модальные компоненты. Сфера желания соответствует модусу *X хочет Y*, что означает нереальность *Y*. Данное значение объединяет в себе семантику возможности и необходимости, то есть, если действие желаемо, то оно, являясь нереальным, все же воспринимается как необходимое для говорящего. Но в отличие от значений возможности и необходимости, сфера желания является свойственной как для локутивной, так и для нелокутивной модальности, то есть желание приписывается как говорящему, так и субъекту ситуации. Следовательно, желание – это та сфера модальности, которая объединяет все компоненты

модальности языка. Указывая на тесную взаимосвязь между понятиями возможности, необходимости и желания в зоне модальности, мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой в языке в сфере ирреальной модальности выделяются три компонента: возможность, необходимость и желание [4: 316].

Значение желания является, как известно, промежуточным звеном между ирреальной и реальной сферами, так как оно связано со значением намерения, что проявляется, на наш взгляд, в происхождении формы будущего времени в ингушском языке: *ɣlor* / пойду может быть (форма эпистемической вероятности, намерения) → *ɣlor-ɣ+да* (*в, й, б*) / пойду - форма будущего категорического, то есть при стяжении формы эпистемической вероятности с формой вспомогательного глагола *-да* (*в, й, б*) - настоящего времени происходит (вместе с переходом изначальной аналитической формы глагола со значением настоящего времени в синтетическую форму) изменение значения эпистемической вероятности в значение категорического будущего. Все вышеуказанные значения в различных языках актуализируются по-разному: где-то посредством глагольных граммем, где-то лексическими средствами – глаголами желания типа *хотеть / деза, мочь / мага (мега), желать / ла*, а где-то и другими средствами.

Как известно, грамматическим средством реализации модальных значений в языке является грамматическая категория наклонения. Так, модальные значения выражения точки зрения говорящего реализуются показателями косвенных наклонений, которые противостоят прямому (изъявительному) наклонению (индикативу), которое описывает реальную модальность, то есть достоверную, совпадающую с окружающей действительностью. Как известно, изъявительное наклонение – это значение модальности, которое предполагает реализацию ситуации,

совпадающей полностью с окружающей действительностью, и имеет полную парадигму временных форм. Эпистемические наклонения выражают различные эпистемические оценки (эпистемической вероятности - *ɣlor, водаш хургва, ваха хургва, ɣlorɣволаш хургва*; эпистемического ожидания - *водаш хургвар, ваха хургвар*; прерванного ожидания, удивления - *водаш хиннав, ваха хиннав* (ассертив), (миратив)). Грамматические формы желательного наклонения возникают на основе показателей желания. Так, в ингушском языке имеется граммема желания (*дезидиратив*): *додадалар, дахадалар, ɣlorɣдалар* (хоть бы сходил бы ты); имеются три формы времени: настоящее, прошедшее, будущее. Граммема условно-желательного наклонения (*конъюнктив-дезидиратив*): *додаре, дахадаларе, ɣlorɣдаларе* (если бы пошел) объединяет в себе показатели значения условности и желания действия, имеет три формы времени: прошедшее, настоящее, будущее.

Если в форме желательного наклонения в качестве главного значения выступает желание говорящего, то в форме условно-желательного наклонения в качестве главного выступают показатели модального значения желания с выражением условия так же, как и повелительное наклонение (императив) совмещает в себе значения желания говорящего с выражением значения побуждения к желаемому действию [5: 6].

Наряду с условно-желательным наклонением существует и граммема сослагательного наклонения: *ɣlorɣдар, аргдар, соцаргдар*, что соответствует русскому - *пошел бы, сказал бы, остановился бы*.

Следующее из косвенных наклонений, выделяемых в ингушском языке, - это императив, считающийся в лингвистике универсальным, который в различных языках проявляет различное количество вариантов-подтипов [7]. Так, различают виды побуждения по степени категоричности побуждения (просьба, совет,

требование, разрешение, предложение совершить действие). В ингушском языке указанные значения передаются разными морфологическими формами императива (совмещенными с выражением различных форм и степеней вежливости): *ала!*, *алал!*, *алалахь!*, *алал хьай!*.

При этом обращаем внимание и на возможность реализации значения временной дистанции в этих формах. Так, формы *алал*, *алалахь* предполагают разную временную дистанцию в осуществлении действия: *алал!* / *скажи сейчас (ближайшее время)*, *алалахь!* / *скажи потом, через время (отдаленное будущее)*. Помимо этого, ингушские формы императива различаются и по выражению адресата обращения, содержащегося в форме императива. Сам по себе императив предполагает, что адресатом побуждения, содержащегося в высказывании говорящего, является слушающий, то есть второе лицо. Но возможны и такие формы императива, которые обращены одновременно и к первому лицу и к третьему лицу. Если говорящий обращается к первому лицу, обычно императив выражается как побуждение к совместному действию с говорящим: *дахалда (вай)*, *оалалда (вай)! / (да) будем мы жить!*, *(да) скажем мы!*. Если же говорящий обращается к третьему лицу, то прямое побуждение переходит в косвенное, например, в ингушском языке имеются побудительные глаголы типа – *дахийта (в, й, б) / пусть живет, алийта!* / *пусть говорит!* Причем в обоих случаях мы имеем не морфологически образованные формы побуждения, а показатели двух самостоятельных наклонений: приглашение к совместному действию – гортатив, совмещенный с оптативом (*оалалда (вай)*), и косвенное побуждение – юссив (*алийта*), совмещенный с каузативом.

Оптатив рассматривается в лингвистике как грамматическая глагольная категория, выражающая желание говорящего [8: 179]. В естественных языках суще-

ствуют различные способы актуализации данного значения. Имеются языки, в которых данная категория выражена морфологическими средствами, и языки, в которых категория выражена неморфологическим путем. Известно, что кавказские языки принадлежат к тем языкам, в которых оптатив (мы понимаем данную грамему в ее широком смысле – выражение желания или пожелания) грамматикализован на уровне глагольных форм. В частности анализу оптатива в восточно-кавказских языках посвящена работа Н.Р. Добрушиной [9]. В данной статье мы рассматриваем все глагольные формы, специализированные для передачи семантики желания, то есть и формы желательного наклонения, и формы, так называемого, гортатива мы объединяем в общую грамему оптатива. Соответственно, Н.Р. Добрушина выделяет в восточно-кавказских языках, в том числе и в чеченском, два типа оптатива – перформативный оптатив – «наклонение, предназначенное для выражения пожелания добра и зла адресату, третьему лицу или (реже) себе» [9: 49]. «Оптатив второго типа выражает желание или мечту говорящего и не используется для обозначения благословений и проклятий» [9: 49]. Этот вариант оптатива автор именует дезидиративным оптативом. Анализируя различия между типами желания, выражаемыми двумя вариантами оптативов, автор ссылается на слова А. Вежицкой: «Основное различие между благословением и проклятием, с одной стороны, и выражением желания, с другой, состоит в признании могущества слов в первом случае и их бессилия во втором» [9: 48]. Указывает автор также и на то, что оптатив семантически родственен юссиву, и случаи совмещения юссива и оптатива в языках нередки. Кроме того, следует обратить внимание и на то, что Н.Р. Добрушина смешивает чеченские формы дезидиратива с формами желательного наклонения ингушского языка. Дело в том, что в литературном чеченском язы-

ке, как известно, имеется лишь одна форма дезидиратива – форма на *-хъара*, соответствующая ингушскому дезидиративу на *-далара*: *алахъара* – *оалдалара* / *сказал бы*, *гдохъара* – *гловалара* / *сходил бы* и так далее (то есть, если пользоваться терминологией Н.Р. Добрушиной данная граммема будет именоваться дезидиративным оптативом). Вследствие чего автор выводит три формы оптатива в чеченском языке. Причем форма чеченского языка, которая как раз и соответствует тому перформативному оптативу, который автор и ищет в чеченском языке (форма на *-йла*, соответствующая ингушской форме на *-лда*, именуемая нами гортативом, совмещенным с оптативом: *оалийла* – *оалалда* / *да скажут*), почему-то остается автором неопознанной: «вторая форма оптатива на *-jla* ограничена обращением ко 2-му лицу: с помощью этой формы можно пожелать добра или зла только собеседнику. Других употреблений у нее нет. Семантическое распределение форм перформативного оптатива на *-hara* и на *-jla* пока неясно» [9: 71]. Можно дополнить лишь, что чеченская форма на *-йла* практически полностью семантически соответствует гортативу, совмещенному с оптативом, ингушского языка и может употребляться для выражения значения побуждения в адрес 1-го, 2-го или 3-го лица.

Что касается соотношения типов желаний в формах дезидиратива и гортатива, то мы бы в данном случае немного иначе охарактеризовали семантические расхождения между семантикой желания, выражаемого дезидиративом и желанием (а точнее, пожеланием), выражаемого гортативом. Дезидиратив выражает желание, мечту субъекта: *вахавалара* / *жил бы*, а гортатив (или совместная форма наклонения) – пожелание говорящего: *дахалда* (*вай, уж, шо*) / *да будем (-ете, -ут) жить*. Очевидно, неверным было бы объединять два данных значения в один тип наклонения – оптатив (во всяком случае, в ингушском языке). Обоснованием такой

точки зрения служит, на наш взгляд, хотя бы такой факт, что не всегда истинное желание говорящего и субъекта совпадает с тем пожеланием, которое им произносится вслух. К тому же, в системе ингушского глагола в одной граммеме совмещены два значения – гортатив (выражает пожелание осуществления действия первым лицом совместно с другими участниками речевого акта) и оптатив (пожелание, адресованное второму, третьему или первому лицу).

В ингушском языке дезидиратив рассматривается как самостоятельная граммема, то есть дифференцированно от гортатива, тем более что в данном языке имеются глагольные морфологические формы для выражения каждого из указанных типов желания. Отметим также и тот факт, что в ингушском языке гортатив – форма, выражающая совместное действие, чаще всего в своем прямом значении (в значении выражения благословений или проклятий) образуется от ограниченного количества глаголов типа *даха* (*в, й, б*) / *жить, лела* / *ходить, ле* / *оставаться* – *дахалда* / *да будем жить, маъриша лелалда, маъриша лалда* / *да будем счастливы (удачливо ходить), да оставайтесь свободными* и т.д. То есть здесь представлены те глагольные лексемы, от которых чаще всего образуются формы благословения и проклятия. Все эти глаголы, как мы видим, по своей морфосинтаксической характеристике являются непереходными.

Однако образование морфологической формы гортатива возможно и от любых других глаголов ингушского языка. В этом случае значение побуждения несколько нивелируется. Семантика побуждения некоторым образом переходит в семантику пренебрежительного допущения ситуации или события, причем пожелание адресовано 2-му лицу: *Из болх болба ла а* / *Да удастся и тебе эта работа. Цигара длаглойла хьо а* / *Да уйдешь ты и подалее оттуда.*

Предлагаем рассматривать в ингушском языке два типа гортатива. Первый тип граммы указывает на пожелание осуществления действия, адресованное лишь второму и третьему лицу. Второй же тип гортатива актуализирует пожелание исполнения действия, адресованного первому, второму и третьему лицу, а также и призыв к совместному действию. Различия в семантике данных типов гортатива обуславливаются, очевидно, разнореферентностью данных типов граммы гортатива. Различия в референтной соотносительности типов гортатива определяются морфо-синтаксическими особенностями исходной глагольной лексемы. Так, гортатив от переходных глаголов имеет значение выражения побуждения, адресованное 1-му или 3-му лицу: *дешалда (1а, цо)* / да прочитает (ты, он). И в этом случае на первый план выступает значение оптатива (эксклюзивное по (желание)). Гортатив же, образованный от непереходных глаголов, выражают значение побуждения, адресованное 1-му, 2-му или 3-му лицу: *гIолда (со, хьо, из, вай)* / да пойдет (я, ты, он, мы). И здесь на первый план выходит значение гортатива (инклюзивное пожелание, пожелание совместного действия).

Имеется в ингушском языке, как мы уже указывали, и форма для выражения граммы юссива. Как известно, юссив рассматривается в лингвистике в качестве глагольной формы, передающей косвенное побуждение, адресованное третьему лицу: *вахийта из* / пусть идет (он). Как видим из примера, в ингушском языке юссив передается кумулятивно с граммой каузатива, т.е. ингушский язык не

располагает специальной формой для передачи граммы юссива. Каузатив, обращенный к первому лицу, в системе ингушского глагола чаще всего выступает в значении пермиссивного каузатива, не совмещенного с юссивом. Именно поэтому, полагаем, что в качестве юссива в ингушском языке может функционировать лишь фактитивный каузатив, который в принципе передает побуждение, адресованное лишь третьему лицу.

Таким образом, в ингушском языке мы можем противопоставить четыре типа побуждения: императив – *ала!*, *алал!*, *ала-лахь!*, *алал хьай!!*, обращенный ко второму лицу; гортатив, совмещенный с оптативом, – *дахалда вай!*, то есть выражающий приглашение и обращенный к первому и второму лицам или, точнее говоря, ко всем присутствующим в случае гортатива, и ко второму и третьему лицу в случае с оптативом *дахалда шо* / живите и здравствуйте вы; *бахалба уж* / да живут и здравствуют они; юссив *вахийта!* / пусть живет, обращенный к третьему лицу.

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать в ингушском языке следующие значения и типы наклонений в зоне ирреальной модальности: а) необходимость (принуждение) – императив, необходимость (пожелание) – гортатив, совмещенный с оптативом, гортатив, не совмещенный с оптативом, юссив, совмещенный с каузативом; б) возможность – условное наклонение – поссибилатив, сослагательное наклонение (конъюнктив); в) желание – желательное наклонение (дезидиратив), условно-желательное наклонение.

Примечания:

1. Плуноян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2003. 384 с.
2. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М.: УРСС, 2004. 197 с.
3. Там же.
4. Остин Дж. Слово как действие // НЗЛ. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22-129.

-
5. Серл Дж. Классификация иллокутивных актов // НЗЛ. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170-194.
 6. Храковский В.С. Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
 7. Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: UChP, 1994.
 8. Добрушина Н.Р. Семантическая зона оптата в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 48-76.